

Владимир Алейников

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 года в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат нескольких литературных премий. Член ПЕН-клуба. Живет в Москве и Коктебеле.

Бледнеют в доме зеркала
И открываются провалы,
Куда луна бы завела, —
Ты скажешь: чаша миновала!

Как фосфор в пепельном окне,
Струится свет привадой сладкой, —
Ты скажешь: в дальней стороне
Охалку писем жгут украдкой.

Заворожённые часы
Бегут над бездною рысцою —
И слух ложится на весы
Цветочной сахарной пыльцою.

Сквозь сон мерещится родник,
Стволов поящий изобилье, —
И мрачен мраморный ночник —
Сова, расправившая крылья.

И тополь не вполне здоров,
Хоть это кажется причудой,
И двор заставлен до краёв
Луны фарфоровой посудой.

Горшечник встал из-под земли —
И, притяжением разбужен,
Осознаёт, что там, вдали,
Он тоже вымышлен и нужен.

Вращайся всласть, гончарный круг,
Рождай тела созданий полых,
Пока добратся недосуг
Туда, где вербы дремлют в сёлах,

Туда, где слишком нелегко
Сдержат стенания сомнамбул
О мире, ждущем высоко, —
О том, где ты едва ли сам был.

Где тополь встал, как странник, над холмом,
Ужель не слышишь птичьих причитаний? —
И даль, дразня нечитанным письмом,
Забывчивых не прячет очертаний.

Когда б хоть часть душевной теплоты
Сошла сюда с желтеющей страницы,
Согрелись бы озябшие цветы
И влагою наполнились глазницы.

Ты видишь, как уходят облака? —
И солнце с зачарованной листвою,
Степной напев начав издалека,
Несут его венком над головою.

И далее холодная вода
Уносит этот символ безутешный,
Чтоб ангелы, сошедшие сюда,
Склонились к жизни — праведной иль грешной.

Уже поняв, её не повторишь —
Ещё стоишь растерянно и прямо
Лицом к лицу — и что-то говоришь, —
Но что сказать пред образом из храма?

В который раз он вынесен сюда,
Где ясный день без колокола звонок? —
И день уйдёт — как люди — навсегда —
И плачет в отдалении ребёнок.

Полдnevный жар

В патриархальности созрев
миролюбив и неподвижен
первостатейный перегрев
светился россыпями вишен

полдневный жар меня смущал
поселок спал как турок пленный
и церковь там где предвещал
гляделась спящею царевной

аллеи сохли без людей
дома прихрамывали рядом
как будто сорок лошадей
хрустели белым рафинадом

и думал я: взгляни вокруг —
здесь степь холмиста и упруга
и ехать вроде недосуг
куда-то к западу и югу

а ветру так недостает
хотя бы малого порыва —
и целый Божий день поет
к земле пригнувшаяся ива

Для высокого строя слова не нужны —
Только музыка льётся сквозная,
И достаточно слуху ночной тишины,
Где листва затаилась резная.

На курортной закваске замешанный бред —
Сигаретная вспышка, ухмылка,
Где лица человеческого всё-таки нет,
Да пустая на пляже бутылка.

Да зелёное хрустнет стекло под ногой,
Что-то выпорхнет вдруг запоздало, —
И стоишь у причала какой-то другой,
Постаревший, и дышишь устало.

То ли фильма обрывки в пространство летят,
То ли это гитары аккорды, —
Но не всё ли равно тебе? — видно, хотят
Жить по-своему, складно и твёрдо.

Но не всё ли равно тебе? — может, слывут
Безупречными, властными, злыми,
Неприступными, гордыми, — значит, живут,
Будет время заслуживать имя.

Но куда оно вытекло, время твоё,
И когда оно, имя, явилось —
И судьбы расплескало хмельное питьё,
Хоть с тобой ничего не случилось,

Хоть, похоже, ты цел — и ещё поживёшь,
И ещё постоишь у причала? —
И лицо своё в чёрной воде узнаёшь —
Значит, всё начинаешь сначала?

Значит, снова шагнёшь в этот морок земной,
В этот сумрак, за речью вдогонку? —
И глядит на цветы впереди, под луной,
Опершись на копьё, амазонка.

Тирсы Вакховых спутников помню и я,
Все в плюще и листве виноградной, —
Прозревал я их там, где встречались друзья
В толчее коктебельской отрадной.

Что житуха нескладная — ладно, потом,
На досуге авось разберёмся,
Вывих духа тугим перевяжем жгутом,
Помолчим или вдруг рассмеёмся.

Это позже — рассеемся по миру вдрызг,
Позабудем обиды и дружбы,
На солёном ветру, среди хлещущих брызг,
Отстоим свои долгие службы.

Это позже — то смерти пойдут косяком,
То увечья, а то и забвеньё,
Это позже — эпоха сухим костяком
Потеснит и смутит вдохновеньё.

А пока что — нам выпала радость одна,
Небывалое выдалось лето, —
Пьём до дна мы — и музыка наша хмельна
Там, где песенка общая спета.

И не чуем, что рядом — печали гуртом,
И не видим, хоть вроде пытливы,
Как отчётливо всё, что случится потом,
Отражает зеркало залива.

Но свет изначальный

Саше Соколову

На севере — тихо, на юге — тепло,
Промышленный гул — на востоке,
На западе — пусто. Вот солнце взошло.
Безвременья годы жестоки.

Да помнишь ли ты, как, смеясь у реки,
Мы влагу в ладонях держали —
И ночи бывали всегда коротки,
И дни никуда не бежали?

На лодке — весло, да над лодкой — крыло,
Взлетавшие к облаку птахи.
Так вот оно, сердце, и вот ремесло,
Забывшее вовсе о страхе!

Крыло надломилось, и лодка худа,
И облако тучи сменили —
И маску с обличья срывает беда,
И весла гребцы уронили.

И Дантова тень, в зеркалах отразясь,
Как эхо, давно многократна —
И с веком прямая осознана связь,
И поздно вернуться обратно.

И есть упоенье в незримом бою
С исчадьями тьмы и тумана! —
У бездны алмазной на самом краю
От зрячих таиться не стану.

И так набродился я в толпах слепых,
И с горем не раз повидался,
В разорванных нитях и в иглах тупых
Погибели зря дожидался.

Сомнения — нет, и забвения — нет,
И смерть — поворот карусели,
Но свет изначальный, мучительный свет —
Вот он и бессмертен доселе.

Ты думаешь, наверное, о том
Единственном и всё же непростом,
Что может приютиться, обогреться,
Проникнуть в мысли, в речь твою войти,
Впитаться в кровь, намеренно почти
Довлеть — и никуда уже не деться.

И некуда бросаться, говорю,
В спасительную дверь или зарю,
В заведомо безрадостную гущу,
Где всяк себе хозяин и слуга,
Где друг предстанет в облике врага
И силы разрушенья всемогущи.

Пощады иль прощенья не проси —
Издравле так ведётся на Руси,
Куда ни глянь — везде тебе преграда,
И некогда ершиться и гадать
О том, кому радеть, кому страдать,
Но выход есть — и в нём тебе отрада.

Не зря приноровилось естество
Разбрасывать горстями торжество
Любви земной, а может, и небесной
Тому, кто ведал зов и видел путь,
Кто нить сжимал и века чуял суть,
Прошедши, яко посуху, над бездной.

Эти выплески сгустками крови
Стали вдруг — пусть вам это не внове,
Пусть ухмылки у вас наготове
И скептически стиснуты рты —
Недостаточно, видно, панове,
Было дней, чтобы клясться в любви,
И теперь поднимаете брови,
Распознав изумленья черты.

И поэтому может случиться,
Что ещё захотите учиться
Незапамятным светом лучиться,
На досуге стихи сочинять
О таком, что давно мне известно,
Что листвою шумит повсеместно, —
И вдобавок скажу, если честно, —
Не сумеете душу понять.

Пусть, раскинув стволы над оградой,
Будет сад мне земною отрадой,
Будут годы сплошной шарадой,
Чью разгадку попробуй и ты
Отыскать, если это возможно,
Если сердце забьётся тревожно,
Если всё, что я пел, — непреложно
В осознанье своей правоты.

Воспоминание томит меня опять,
Иглою в поры проникает,
Хребта касается, — и сколько можно спать? —
Душа к покою привыкает,
К жемчужной свежести, рассветной, дождевой,
А всё же вроде бы — что делать! — не на месте,
Не там, где следует, — и ветер гулевой
Ко мне врывается — и спутывает вести,
С разгону вяжет влажные узлы
Событий давешних, запутывает нити,
Сквозит по комнате — и в тёмные углы
С избытком придури и прыти
Разрозненные клочья прежних дней
От глаз подальше судорожно прячет,
И как понять, кому они нужней,
И что же всё же это значит? —
И вот, юродствуя, уходит от меня, —
И утро смотрится порукой круговую,
Тая видения и в отсветах огня
Венец признания подняв над головою, —
И что-то вроде бы струится за окном —
Не то растраченные попусту мгновенья,
Не то мерцание в тумане слюдяном
Полузабытого забвенья,
Не то вода проточная с горы,
Ещё лепечущая что-то о вершине,
Уже несущая ненужные дары, —
И нет минувшего в помине,
И нет возможности вернуться мне туда,
Где жил я в сумраке бездомном,
Покуда разные сменялись города
В чередовании огромном,
Безумном, обморочном, призрачном, хмельном,
Неудержимом и желанном,
Чтоб ныне думать мне в пристанище земном
О чём-то горестном и странном.

День к хандре незаметно привык,
 В доме слишком просторно, —
 Деревя, разветвляясь непокорно,
 Не срываясь на крик,
 Издают остывающий звук,
 Что-то вроде напева,
 Наклоняясь то вправо, то влево
 Вслед за ветром — и вдруг
 Заслоняясь листвою
 От неряшливой мороси, рея
 Как во сне — и мгновенно старея,
 Примирённо качнув головой.

Так и хочется встать
 На котурнах простора,
 Отодвинуть нависшую штору,
 Второпях пролистать
 Чью-то книгу — не всё ли равно,
 Чью конкретно? — звучанье валторны,
 Как всегда, непритворно,
 Проникает в окно,
 Разойдясь по низам,
 Заполняет округу
 Наподобье недуга —
 И смотреть непривычно глазам

На небрежную мглу,
 На прибрежную эту пустыню,
 Где и ты поселился отныне,
 Где игла на полу
 Завалилась, блеснув остриём
 И ушко подставляя
 Для невидимой нити, — такая
 Прошивает, скользя, окоём,
 С узелками примет
 Оставляя лоскут недошитым,

Чтоб от взглядов не скрытым
Был пробел — а за ним и просвет.

Взглянуть успел и молча побрести
Куда-то к воинству густому
Листвы расплётнутой, — и некому нести
Свою постылую истому,
Сродни усталости, а может, и тоске,
По крайней мере — пребыванью
В краю, где звук уже висит на волоске, —
И нету, кажется, пристойного названья
Ни чувству этому, что тычется в туман
С неумолимостью слепую
Луча, выхватывая щебень да саман
Меж глиной сизою и порослью скупую,
Ни слову этому, что пробует привстать
И заглянуть в нутро глухое
Немого утра, коему под стать
Лишь обещание сухое
Каких-то дремлющих пока что перемен
В трясине тлена и обмана,
В пучине хаоса, — но что, скажи, взамен? —
Труха табачная, что разом из кармана
На камни вытряхнул я? стынувший чаёк?
Щепотка тающая соли?
Разруха рыхлая, свой каверзный паёк
От всех таящая? встающий поневоле
Вопрос растерянный: откуда? — и ответ:
Оттуда, где закончилась малина, —
И лето сгнуло, и рая больше нет,
Хоть серебрится дикая маслина
И хорохорится остывшая вода,
Неведомое праздная везенье, —
Иду, насупившись — наверное, туда,
Где есть участие — а может, и спасенье.

Призрак прошлого к дому бредёт,
Никуда не торопится,
Подойдёт — никого не найдёт,
Но такое накопится
В тайниках незаметных души,
Что куда ему, дошлому,
Торопиться! — и ты не спеши,
Доверяющий прошлому.

Отзвук прошлого в стёклах застрял
За оконную рамою —
Словно кто-нибудь за руки взял
Что-то близкое самое,
Словно где-нибудь вспыхнуло вдруг
Что-то самое дальнее,
Но открыться ему недосуг, —
Вот и смотришь печальнее.

Лишь озябнешь да смотришь вокруг —
Что за место пустынное?
Что за свет, уходящий на юг,
Приходящий с повинною,
Согревающий вроде бы здесь
Что-то слишком знакомое,
Был утрачен — да всё же не весь,
Точно счастье искомое?

Значит, радость вернётся к тебе,
Впечатления чувствуя,
С тем, что выпало, брат, по судьбе,
Неизменно соседствуя,
С тем, что выпадет некогда, с тем,
Что когда-нибудь сбудется, —
И не то чтобы, скажем, Эдем,
Но подобное чудится.

Шум дождя мне ближе иногда
Слов людских — мы слушать их устали, —
Падай с неба, светлая вода,
Прямо в душу, полную печали!

Грохнись в ноги музыке земной,
Бей тревогу в поисках истока, —
Тем, что жизнь проходит стороной,
Мы и так обмануты жестоко.

Падай с неба, память о былом,
Припадай к траве преображённой,
Чтоб не бить грядущему челом
Посреди страны полусожжённой.

Лейся в чашу, терпкое вино,
Золотое марево утраты, —
Мне и так достаточно давно
Слёз и крови, пролитых когда-то.

Где-то там, за гранью тишины,
Есть земля, согретая до срока
Тем, что ждать мы впредь обречены —
Ясным светом с юга и с востока.

Не томи избытком доброты,
Не пугай внимания нехваткой, —
В том, что явь не пара для мечты,
Важен привкус — горький, а не сладкий.

Потому и ратуй о родном,
Пробивай к неведомому лазы,
Чтоб в листве, шумящей за окном,
Исчезали века метастазы.

Может, весть извне перелилась
Прямо в сердце, сжатое трудами?
Дождь пришёл — и песня родилась,
Чтобы стать легендою с годами.

Где ночь встаёт на стогах ноября
И есть ещё дыханье в мире этом,
Горит она, вечерняя заря,
Колеблемым дарованная светом.

Нет возраста тебе, святая дрожь,
Затронувшая сердце и ресницы, —
Не часто ты рождаешься — и всё ж
Так просто не уходишь со страницы.

Коснулось наконец-то и тебя
Вторженьё жертвенного зова,
Чтоб жил ещё, сторяя и любя,
В стихии горестного слова.

Заря вечерняя! — за что же мне тогда
Во имя верности ты днесь уже открылась,
Чтоб крылья не сложившая звезда,
Как птица в небе, появилась?

За что, тобою полон и ведом,
Куда лишь Ангелы да праведники вхожи,
Иду негаданно в тумане золотом,
Биенье тайны растревожа?

И чашу полную без робости беру,
Скорбей и радостей вмещающую диво, —
Един Господь — а с Ним я не умру,
Заря вечерняя, ровесница порыва.